

УДК 93

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.02

Дружинин Алексей Александрович

аспирант

школа № 109

Москва, Россия

alexei.7676@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3054-583X

КРЕСТОЦЕЛОВАЛЬНЫЕ ГРАМОТЫ ПЕРИОДА СМУТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения государей и подданных Московского царства в период системного кризиса Смутного времени начала XVII в. сквозь призму присяжных грамот, отражающих опасения и надежды субъектов и объектов присяги. В ходе исследования было выявлено, что присяжные грамоты указанного периода являлись инструментом укрепления и легитимации власти часто сменяющихся государей, их попыткой заручиться самыми весомыми в глазах подданных основаниями для обретения стабильности и династической преемственности.

Ключевые слова: смута, присяжные грамоты, легитимация власти, крестоцеловальные записи, самозванство, Земский собор.

Druzhinin Alexei A.

Postgraduate student

School № 109

Moscow, Russia

alexei.7676@mail.ru; ORCID: ORCID: 0000-0003-3054-583X

CROSSBOWING CHARTERS OF THE TIMES OF TROUBLES

Abstract. The article discusses the relationship between the sovereigns and subjects of the Moscow kingdom during the period of the systemic crisis of the time of the beginning of the XVII century through the prism of crossbowing charters, reflecting the fears and hopes of subjects and objects of the oaths. In the course of the study, it was revealed that the oaths of the specified period was a tool for strengthening and legitimizing the power of frequently replacing sovereigns, their attempt to enlist the most weighty in the eyes of subjects to gain stability and dynastic continuity.

Keywords: Times of Troubles, oath charters, legitimation of power, Crossbowing records, impostability, Zemsky sobor.

Введение. Уже в древний период русской истории обряд целования креста носил сакральный характер: крестоцелованием скреплялись важнейшие договоры, и в том числе присяги. Со временем, по мере эволюции властных отношений в Русских землях, а впоследствии и в Московском царстве, тексты крестоцеловальных грамот менялись, отражая изменения политической конъюнктуры, идеологии, отношения вассалов (позже — подданных) к сюзерену (государю) и, напротив, главы государства к своим подданным. Вот почему особенный интерес вызывают крестоцеловальные грамоты периода Смуты, поскольку события в Московском государстве в это время сменяются с калейдоскопической быстротой, а вышеозначенные документы отражают восприятие их современниками. Так, в грамотах зафиксированы опасения новых государей лишиться власти и надежды народа на прекращение длительного периода хаоса и возвращение стабильности. Эти опасения и надежды находят отражения в присягах, рассылаемых по городам и весям страны. Несмотря на научную актуальность темы взаимоотношений подданных и политической элиты в период Смутного времени, анализу присяг отведено весьма скромное место на периферии исторических исследований, что обусловило цель данной статьи — проследить эволюцию присяги в период Смуты и определить ее роль как во взаимоотношениях государей и подданных, так и в попытках новоявленных государей укрепить свою власть.

В современной научно-исторической литературе отсутствуют работы, где комплексно исследовалась бы проблематика крестоцеловальных записей как актов, отражающих эволюцию взаимоотношений государя и подданных, однако анализ этих документов в целом нередко встречается в монографиях и статьях, особенно в новейшей историографии. В ранней дореволюционной исторической литературе присяжные грамоты фигурировали лишь как дополнительные источники, не будучи объектом исследования. Так, Н. М. Карамзин отмечает, что впервые формулировка «Божиею милостью...» встречается в крестоцеловальных записях Юрия Звенигородского¹, однако не пытается проанализировать значение этого явления, ограничившись констатацией факта. Таким же образом к крестоцеловальным записям подходят и прочие исследователи XIX в.: упоминается сам факт существования крестоцеловальных записей без попытки их анализа у Д. И. Иловайского² и М. К. Любавского³. Выделяет «поручные записи» в своей «Истории России с древнейших времен» и С. М. Соловьев, не давая им оценку как историческому феномену⁴. Однако уже в 1862 г. мы читаем наблюдения И. Е. Забелина о трансформации крестоцеловальных записей из документов, составляющихся на каждый частный случай, в общую присягу государю и знакомимся с гипотезой о том, что подробное

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского: полное издание в одном томе. М., 2018. С. 472.

² Иловайский Д. И. Царская Русь. Конец эпохи Рюриковичей. М., 2018. С. 242.

³ Любавский М. К. Русская история от древности до конца XVIII в. М., 2015. С. 302.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 2. СПб., 1851. С. 154.

перечисление зол, которые присягающий клянется не причинять государю и его семье⁵, основано на прецедентах, с которыми предшественники государя уже имели дело⁶. В начале XX в. у Г. Г. Тельберга мы встречаем размышления о том, что присяжные грамоты XVII в., в отличие от предшествующих, носят массовый, а не индивидуальный характер⁷. Подробно разбирает подкрестную запись В. Шуйского В. О. Ключевский, уделяя внимание и ее происхождению, и политическому значению⁸. В историографии советского периода особенно выделяется работа Л. В. Черепнина, подробно разбирающего структуру крестоцеловальных записей⁹. В остальном тенденция рассмотрения крестоцеловальных записей лишь в качестве источника сохраняется. Отметим и известную хронологическую ограниченность подобных обращений. Основное внимание уделялось записям до конца XVI в.

В современной историографии присяжные грамоты становятся объектом пристального внимания исследователей. Так, тщательному анализу их происхождения уделяет внимание в своей статье И. Г. Пономарева¹⁰; Б. Н. Флоря выдвигает гипотезу о том, что в крестоцеловальных записях периода Ивана Грозного отображалась тенденция к сплочению русской аристократии, противостоянию царскому произволу путем внесения залога за опального родственника или соратника, что фиксировалось в прилагавшихся к записям поручных грамотах¹¹. Скрупулезно анализируют крестоцеловальные записи Смутного времени В. Н. Козляков¹² и Д. И. Антонов¹³. Тем не менее обобщающей статьи, объединяющей все крестоцеловальные записи эпохи Смуты, до настоящего времени нет.

Таким образом, присяжные грамоты в новейшей историографии становятся самостоятельным объектом исследования, анализируя который можно выявить множество культурных, политических и идеологических особенностей, характерных для современного этим документам периода.

Ход и результаты исследования. До сих пор в исторической науке нет единого взгляда на хронологию событий Смуты. Некоторые исследователи начинают отсчет с воцарения Бориса Годунова в 1598 г., однако автор данной статьи разделяет мнение той части исследователей, которые полагают, что более уместно началом Смуты считать конец 1604 – начало 1605 г., когда войска

⁵ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI–XVII столетиях. Киев, 2018. С. 354.

⁶ Там же. С. 355–356.

⁷ *Тельберг Г. Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. С. 71.

⁸ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 2021. С. 528–529.

⁹ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. С. 297.

¹⁰ *Пономарева И. Г.* О происхождении московских «укрепленных» грамот // Археографический ежегодник за 2012 год / отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2012. С. 64–75.

¹¹ *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 2019. С. 150–151.

¹² *Козляков В. Н.* Смутное время в России начала XVII века. М., 2021. С. 184–185.

¹³ *Антонов Д. И.* Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М., 2019. С. 41, 117.

первого самозванца вторглись в Московское государство. В таком случае хронологически первой крестоцеловальной записью Смуты является присяга жителей столицы Московского царства Федору Борисовичу Годунову («Присяга в верности Царице Марии Григорьевне, Царю Федору Борисовичу и Царевне Ксении Борисовне»¹⁴). Эта грамота, сохраняя общую для всех «проклятых грамот» структуру, имела как сходства, так и отличия от той, что была составлена для клятвы в верности отцу Федора — Борису Годунову. В присяге царю Борису впервые отразились страхи государя быть отравленным или околдованным («волошество», «ведовские мечтания», «зелье лихое и корень»¹⁵); грамота для присяги Федору сохранила опасения отравления и ворожбы, равно как и опасения притязаний на трон Симеона Бекбулатовича, некогда объявленного царем Иваном Грозным.

Новым страхом, зафиксированным крестоцеловальной записью и отражавшим сложившуюся в государстве Московском ситуацию, явилось упоминание самозванца: «И к вору, который называется князем Дмитрием Углицким, не приставать, с ним и его советниками не ссылатся ни на какое лихо, не изменять, не отъезжать, лиха никакого не сделать, государства не подыскивать, не по своей мере ничего не искать, и того вора, что называется царевичем Дмитрием Углицким, на Московском государстве видеть не хотеть»¹⁶. Интересно, что фамилия Отрепьева в грамоте не фигурирует: так составители присяги предусмотрительно подстраховывались от возможной присяги именно Дмитрию, если, к примеру, вор все же окажется не Отрепьевым либо появится новый самозванец, выдающий себя за Углицкого царевича. Также бросается в глаза, что на первом месте грамоты стоит имя царицы Марии Григорьевны — нелюбимой в народе дочери Малюты Скуратова. Упоминание в крестоцеловальных записях членов царской семьи само по себе не ново, однако никогда еще имя царицы не стояло раньше имени царя. Можно предположить, что такой шаг был предпринят в связи с тем, что Федор Борисович на тот момент был холост, т. е., по понятиям того времени, не достиг совершеннолетия.

Было и еще одно отхождение от традиций: члены наспех собранного Земского собора¹⁷ не просто подписали грамоту о произошедшем избрании, а принесли присягу на верность новому государю. Можно предположить, что в сложившихся условиях трон под молодым Годуновым был настолько шаток, что в ход шли любые приемы легитимации его власти. Тем не менее такой авторитетный исследователь Земских соборов, как Л. В. Черепнин, вообще

¹⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел: в 5 ч. Ч. 2, служащая дополнением к первой. М., 1819. С. 181.

¹⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 2. СПб., 1841. С. 57–61.

¹⁶ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 2. М., 1819. С. 182.

¹⁷ Сведений о созыве Собора почти не осталось, но, например, Р. Г. Скрынников весьма убедительно доказывает в своей работе факт его созыва: Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 239.

не рассматривает возможности созыва Земского собора при избрании Федора Борисовича — в списке имевших место соборов он просто отсутствует¹⁸.

Однако, несмотря на все отчаянные попытки как самого Бориса, так и его сына, династия не утвердилась на московском престоле. В. И. Ульяновский предполагает, что «хрупкость» новой династии была обусловлена низким происхождением Бориса, непопулярностью его среди некоторых сословных групп, например казачества. Помимо этого, важным, на взгляд исследователя, представляется то, что избрание на царство «землей» предполагает, что «земля» же может и изгнать государя с престола — власть, полученная из рук людских, этими же руками и была уничтожена¹⁹.

Следующую присягу жители Московского государства приносили уже Лжедмитрию I. Эта грамота также была составлена по аналогии с предыдущими (что неудивительно, поскольку Лжедмитрию требовалось демонстрировать преемственность власти) и также содержала ряд отличий (помимо упоминания царицы Марфы Федоровны и царя Дмитрия Ивановича): присягающие должны были целовать крест на том, что не станут «ссылаться писмом и никакими мерами» с «изменники» Федором Годуновым и его матерью²⁰. При этом последние упоминаются в присяги будто еще живые, хотя на момент ее составления оба уже были убиты. В. Н. Козляков предполагает, что либо Лжедмитрий к тому времени не успел получить известие о смерти Годуновых, либо грамота намеренно была составлена таким образом, чтобы обезопасить себя в дальнейшем от воскресших Лжефедоров²¹.

В первую очередь в грамоте делается акцент на том, что Дмитрий — «истинный государь», единственный законный наследник Ивана IV, демонстрируется династическая преемственность. Основой легитимности здесь выступает, конечно же, происхождение: Лжедмитрий неоднократно напоминает о своем «природном» праве на престол, которое весьма выгодно выделяет его на фоне двух последних предшественников, чья выборность в глазах народа оказалась слишком сомнительным основанием для легитимации власти и навлекла гнев Божий. Кроме того, в присяге на верность Лжедмитрию отражены, вероятно, его опасения насчет того, что народ (либо его часть) может сохранить верность Федору Годунову (если самозванец не знал еще о его смерти), или страх перед появлением новых самозванцев, а также разоблачением его самого, сомнением народа в истинности его происхождения.

Следующие по хронологии крестоцеловальные записи периода Смуты — «проклятые грамоты» Василия Шуйского, одна из которых является присягой ему на верность, вторая же (что парадоксально для того времени!) — присягой царя «земле».

¹⁸ Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 383.

¹⁹ Ульяновский В. И. Смутное время. М., 2006. С. 11.

²⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1836. С. 92–94.

²¹ Козляков В. Н. Смутное время в России начала XVII века. С. 126.

Присяга новому царю отличается, во-первых, тем, что адресована помимо него самого его будущим жене и детям (на момент вступления на престол Шуйский был холост и бездетен, но прежние грамоты всегда содержали упоминание царской семьи и отступать от традиций не стали). Во-вторых, в ней отсутствует перечисление государств, в которые запрещен отъезд подданных, что было типично для предыдущих грамот²². Исследователь В. Н. Козляков предполагает, что причиной подобной краткости может выступать спешка: «Когда князю Василию Ивановичу представился шанс воцариться на русском престоле, он воспользовался им с торопливой неловкостью...»²³. В итоге Василия Шуйского избирали «наспех», не было времени даже собрать настоящий Земский собор²⁴. Грамота также содержала формулировку, которая отражала опасения нового царя насчет прочности своего положения: присягающие клялись служить только Василию Шуйскому и не звать на престол царей из других государств, равно как и не искать иного царя внутри Московского царства.

Первая половина крестоцеловальной записи В. Шуйского посвящена обоснованию его прав на трон. Довод был династический, но ссылались не на московскую династию Ивана Калиты, а на Рюриковичей. Прародитель Шуйских — Рюрик, ведущий родословную от кесаря Римского и далее, через линию киевских князей, к Александру Ярославичу: и «...до прародителя нашего Александра Невского на сем Российском государстве быша прародители мои...»²⁵. Новый государь действительно вел свой род от второго сына Александра Невского — Андрея Городецкого, будучи, таким образом, старше московских Калитичей, происходящих от младшего Даниила Александровича.

Во второй половине грамоты Шуйский вступает в договорные отношения с народом (последние крестоцеловальные записи, составленные в форме договора, относятся к первой половине XV в., и договоры заключались в кругу высшей политической элиты — между великим и удельным (удельными) князем (князьями). Царь, помимо готовности править с Боярской думой, обещает не преследовать и не казнить никого без суда, что, по мнению В. Н. Козлякова, вполне объяснимо, учитывая, что самого Шуйского вопрос смертной казни касался несколько раз довольно близко²⁶. Он заверяет поданных, что времена бессудного произвола миновали, обещает бороться с доношением, столь распространенным при Борисе Годунове, таким образом пытаясь заручиться поддержкой «земли». Некоторые исследователи видели в этой грамоте добровольное ограничение царской власти, однако автор данной статьи придерживается более распространенного в науке мнения, что подобные выводы сделаны ошибочно: оригинал присяги, его трактовка современниками, а главное, все непродолжительное правление самого Шуйского не дает никаких оснований

²² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи... С. 102.

²³ Козляков В. Н. Василий Шуйский. М., 2007. С. 97.

²⁴ Козляков В. Н. Смутное время в России начала XVII века. С. 185.

²⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи... С. 102.

²⁶ Козляков В. Н. Смутное время в России начала XVII века. С. 184.

для подобного умозаключения²⁷. Перед нами скорее декларация о намерениях, призванная привести к успокоению в обществе.

Позже патриарх Иов разрешил москвичей от двойного греха, как от собственно крестоцелования Лжедмитрию, так и от нарушения клятвы, данной на кресте. Нельзя, по нашему мнению, не согласиться с Д. И. Антоновым, замечавшим, что клятве, скрепленной целованием креста, присуща некоторая амбивалентность: с одной стороны, клятва в христианстве греховна, с другой — грех ложится и на того, кто нарушит крестное целование²⁸. Таким образом, Шуйский «стирал» претензии на законность всех самозванцев, заявляя себя в качестве настоящего преемника.

Тем не менее Шуйский, обвиненный современниками в гордыни из-за принесения вышеупомянутой присяги народу²⁹, относительно недолго удерживал российский престол. Будучи царем выборным, он не смог противостоять вере в царя «природного».

Следующая крестоцеловальная запись снова составлена на договорной основе: в период «семибоярщины» договариваются бояре (обязуясь управлять государством до избрания нового государя) и «земля». Присяга приносится Ф. И. Мстиславскому «с товарищи»³⁰. Уникальна грамота тем, что народ целует крест боярам на том, что наведет порядок в государстве, прекратит убивать и грабить и забудет обиды. В крестоцеловальных записях и раньше содержались обещания не творить зла, но обращены они были на государя, здесь же «земля» обещает хранить мир между собой. В грамоте содержится также обещание не творить зла низложенному Шуйскому и его родне. Таким образом, народ постепенно становится полноправным субъектом отношений с правящей элитой: если прежде укрепленные грамоты носили индивидуальный характер, т. е. являлись клятвой, которую приносил ненадежный аристократ государю, то, в XVII в. мы наблюдаем исключительно коллективные присяги. Однако преждевременно, на наш взгляд, было бы утверждать, что причиной этого явления выступает именно Смута — уже при Федоре Иоанновиче индивидуальные грамоты не встречаются, равно как и при Борисе Годунове.

Наибольшее количество поручных грамот — документов, прилагавшихся к крестоцеловальным записям и содержавших ручательства бояр и духовенства в верности присягающего (с клятвой выплатить крупные суммы денег в случае нарушения присяги), — встречаются в правление Ивана IV. Как предполагает Б. Н. Флоря, инициаторами ручательства за опальных выступали сами аристократы, которые стремились защитить провинившихся, чем и вызвали гнев Грозного³¹. Нам представляется, что недовольство грозного царя нельзя

²⁷ Козляков В. Н. Смутное время в России начала XVII века. С. 184.

²⁸ Антонов Д. И. Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М., 2019. С. 117.

²⁹ Там же. С. 39.

³⁰ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 2. М., 1819. С. 389.

³¹ Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 150.

со стопроцентной уверенностью отнести к сложившейся практике поручных грамот. В противном случае возникает вопрос: почему в период правления Бориса Годунова, также проводившего политику репрессий, пусть и не столь массовых, мы не встречаем подобных ручательств? Уместно предположить, что инициатором поручных грамот выступали не аристократы, а сам государь. Так или иначе, вопрос требует более тщательного исследования.

Договорной характер носит присяга и польскому королевичу Владиславу: подданные обещали не приглашать («не хотети») никого иного на престол Московского царства и служить королевичу верно, как служили прежним «прирожденным государям царям московским и великим князьям»³². Таким образом, Владиславу даются гарантии, что царствование его будет более спокойным и долгим, нежели у его предшественников последних лет, кои «прирожденностью» не обладали. Владислав же обещал соблюдать условия договора, заключенного между московскими послами и «королем Жигимонтом» и его представителем в Москве, гетманом Жолкевским. Договор отражал стремление к восстановлению прежних порядков и стабильности, что было естественно, учитывая усталость всех сословий от многолетнего хаоса Смуты. Документы — договор и присяга — отражали опасения присягающих, касающиеся принуждения подданных к иной вере, кроме православной, равно как и требования креститься в православие самому Владиславу³³. В некоторых крестоцеловальных записях, рассылаемых для присяги королевичу, было также включено требование не называть государем Лжедмитрия II и государыней Марину Мнишек.

Отказ со стороны Сигизмунда перекрестить сына в православие, а также слухи о притеснении православия и православных литовцами в итоге способствовали подъему освободительного движения и формированию Первого и Второго ополчений, рассылавших по «земле» подобия крестоцеловальных записей, призывавших присягающих постоять за веру православную. По инициативе лидеров Второго ополчения 21 февраля 1613 г. состоялся Земский собор, на котором царем был избран юный Михаил Федорович Романов.

Присяжные грамоты Михаилу Федоровичу (в двух вариантах — укороченном³⁴ и пространном³⁵) были составлены в традиционном для такого документа ключе: присягающие обещали верно служить новому царю, не отъезжать служить в иные страны³⁶. По сложившейся со времен воцарения Бориса Годунова традиции, клятва включала запрет колдовства, злодеяний против государя и его семьи (Михаил Федорович на тот момент был холост и бездетен, поэтому присягающие клялись в верности его будущим детям и супруге). Для успокоения

³² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи... С. 280.

³³ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 2. М., 1819. С. 391–398.

³⁴ Там же. С. 14–15.

³⁵ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 2. С. 1–2.

³⁶ Здесь, в отличие от присяги Шуйскому, следовал перечень государств, отъезд в которые был запрещен.

народа (и нового государя), в качестве предотвращения будущих возможных измен Михаилу Федоровичу, в присяге содержалась подробная инструкция, описывающая, что именно нужно делать в случае обнаружения измены. Содержится даже перечень персон нон грата, всякое общение с которыми запрещено, — Марина Мнишек, Иван Заруцкий, Михаил Салтыков, Юрий Трубецкой с товарищами и «все Московского государства изменники»³⁷. Также в «черный список» попали земли, оккупированные шведами.

Для более полного понимания присяги Михаилу Федоровичу ее следует рассматривать в паре с Окружной грамотой Земского собора о признании последнего государем и принесении ему присяги³⁸. Важной особенностью документа является неоднократное упоминание богоданности нового государя: «земля» молит о государе, «чтоб всемилостивый Бог дал нам... на все государства Российского Царствия...»³⁹. Помимо прочего, подданные Московского царства хотят государя именно от «племени благоверного и праведного» царя Федора Ивановича, племянником которого назван Михаил Федорович Романов-Юрьев. Таким образом, новый государь появляется на престоле путем избрания Собором, но избрание это — Божья воля, поскольку согласуется с единогласным желанием всей «земли», представители которой уверены, что только такой государь принесет мир в опустошенное Смутой царство. Легитимность выбора подтверждается связью с династией Рюриковичей, трактуемой как продолжение, преемственность, законное наследование.

Заключение. Для подданных Московского царства присяга являлась надеждой на стабилизацию положения, возврат к прежнему, «досмутному» образу жизни. Кроме того, «земля», как уже упоминалось, выступает здесь полноправным субъектом отношений с государством в лице государя либо политической элиты.

Крестоцеловальные записи периода Смуты, как никогда прежде, призваны были священной клятвой узаконить полученную в результате выбора или захвата власть очередного искателя престола Рюриковичей, поскольку для человека того времени, носителя религиозного сознания, целование креста имело глубоко сакральный смысл. Основанием же для легитимности служили несколько основополагающих доводов:

- богоданность государя, благодаря которой он получал большие права на престол в сравнении с любыми другими основаниями;
- избрание его «землей» (*Vox populi vox Dei*): глас народа, уставшего от бедствий Смуты, обещающего царю полное повинование, надеющегося на восстановление «досмутных» порядков, т. е., по сути, готового к восстановлению самодержавия;
- преемственность по отношению к прежней династии: второй представитель Романовых — Алексей Михайлович — будет наречен внуком последнего

³⁷ Дополнения к актам историческим... С. 1–2.

³⁸ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 3. М., 1819. С. 11.

³⁹ Там же. С. 13.

царя из рода Калитичей Федора Иоанновича, так как отец Алексея и основатель новой династии — Михаил Романов — приходился Федору двоюродным племянником.

Все эти факторы в совокупности были важны как для подданных, так и для государя: первым — как гарантия стабильности и мира, второму — как источник легитимности и гарантия упрочения династии на престоле. Именно поэтому все они нашли отражение в священном ритуале, сопровождавшемся целованием креста.

Литература

1. Антонов Д. И. Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М.: РГГУ, 2019. 312 с.
2. Козляков В. Н. Василий Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2007. 300 с.
3. Козляков В. Н. Смутное время в России начала XVII века. М.: Квадрига, 2021. 556 с.
4. Пономарева И. Г. О происхождении московских «укрепленных» грамот // Археографический ежегодник за 2012 год / отв. ред. С. М. Каштанов. М.: Наука, 2012. С. 64–75.
5. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 327 с.
6. Ульяновский В. И. Смутное время. М.: Европа, 2006. 448 с.
7. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М.: Академический Проект, 2019. 421 с.
8. Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.

References

1. Antonov D. I. Tsari i samozvantsy: bor'ba idei v Rossii Smutnogo vremeni. [Tsars and impostors: the struggle of ideas in Russia of the Time of Troubles]. Moscow: RGGU, 2019. 312 p. (In Russ.).
2. Kozliakov V. N. Vasilii Shuiskii [Vasily Shuisky]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2007. 300 p. (In Russ.).
3. Kozliakov V. N. Smutnoe vremia v Rossii nachala XVII veka [The Time of Troubles in Russia at the beginning of the XVII century]. Moscow: Kvadriga, 2021. 556 p. (In Russ.).
4. Ponomareva I. G. O proiskhozhdenii moskovskikh «ukreplennykh» gramot [About the origin of the Moscow «fortified» letters] // Arkheograficheskii ezhegodnik za 2012 god / отв. ред. S. M. Kashtanov. Moscow: Nauka, 2012. P. 64–75. (In Russ.).
5. Skrynnikov R. G. Sotsial'no-politicheskaia bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka [Socio-political struggle in the Russian state at the beginning of the XVII century]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1985. 327 p. (In Russ.).
6. Ul'ianovskii V. I. Smutnoe vremia [The Time of Troubles]. Moscow: Evropa, 2006. 448 p. (In Russ.).
7. Floria B. N. Ivan Groznyi [Ivan the Terrible]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2019. 421 p. (In Russ.).
8. Cherepnin L. V. Zemskie sobory russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv. [Zemstvo cathedrals of the Russian state in the XVI–XVII centuries]. Moscow: Nauka, 1978. 417 p. (In Russ.).